

Онищук С.М.

Кандидат исторических наук

Шанхайская организация сотрудничества и борьба с «тремя видами зла» (экстремизм, сепаратизм и терроризм) в Центральной Азии

Совокупность многообразных факторов, влияющих на создание напряженности в расположенных на пространстве ШОС государствах Восточной Евразии, особенно в Центральной Азии, условно можно сгруппировать в три главные:

- наличие у значительных этнических групп населения в ряде государств Восточной Евразии сепаратистских настроений;
- стремление радикальных религиозных организаций реализовать идею объединения некоторых мусульманских стран Центральной и Восточной Азии в крупные исламские халифаты или иные государственные образования с шариатской формой правления;
- повстанческие выступления определенных сил, борющихся с существующими в отдельных странах режимами.

В некоторых государствах в основе деятельности перечисленных выше сил лежит при этом сочетание различных мотивов, но объединяет их рост использования экстремистских и даже террористических методов достижения целей.

Экстремизм, сепаратизм и особенно терроризм, прежде всего международный, все более превращаются в долговременный фактор современной политической жизни и становятся относительно устойчивым явлением жизни мирового сообщества. Их реальные проявления существенно угрожают безопасности многих государств, оказывая сильное психологическое давление не только на население и властные институты большинства стран, но и способны влиять на всю международную политическую обстановку [1].

Актуальность проблемы заключается в том, что активность деятельности террористических, экстремистских и сепаратистских организаций на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) возрастает и, несмотря на предпринимаемые меры борьбы с ними, наращивает ресурсную базу. Еще на саммите в июне 2001 года в Шанхае лидерами шести государств-участников ШОС было признано важным не затягивать с введением в действие подписанной там Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [2]. Этот документ, содержащий согласованные определения таких сложных международных понятий и явлений, как терроризм, сепаратизм и экстремизм, был ориентирован на практическое сотрудничество стран-участниц в противодействии указанным негативным и опасным явлениям. Он создавал хорошие правовые заделы для работы над документами и по другим важным и актуальным направлениям транснационального антикриминального сотрудничества, таким, как незаконный оборот наркотиков, оружия, боеприпасов и т.п. Конвенцией предусмотрено учреждение Антитеррористической структуры ШОС, дей-

ствующей на постоянной основе, со штаб-квартирой в Бишкеке (в 2004 году была перенесена в Ташкент) [2].

В последующем решении санкт-петербургского саммита, прошедшего в 2002 году, заложили фундамент для развития основной для того времени линии взаимодействия стран-участниц ШОС – противодействия международному терроризму, религиозному экстремизму, национальному сепаратизму (так называемый «центральноазиатский треугольник» или «три зла» по китайской терминологии). В этой связи обеспечение готовности стран к отражению террористической угрозы стало одной из основных задач участников ШОС.

В октябре 2002 года в рамках ШОС Китай и Кыргызстан совместно организовали двустороннее антитеррористическое военное учение. Начиная с августа 2003 года, когда впервые были проведены маневры «Взаимодействие-2003» (в октябре 2009 года проведены седьмые по счету учения), страны ШОС практически ежегодно проводят совместные военные учения в рамках программы борьбы с терроризмом в Центральной Азии. На войсковых маневрах

«Взаимодействие-2009», которые впервые были проведены в рамках Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) СНГ, страны-участницы ШОС (кроме Китая) отрабатывали действия в кризисных ситуациях во взаимодействии с другими участниками более широкой коалиции. В 2005 году состоялись учения России и Китая «Мирная миссия-2005 г.» на территории КНР (в них приняли участие 10 тыс. военнослужащих двух стран, в том числе около 2 тыс. – российских), а в 2004 - 2005 годах также серия российско-индийских (Индия имеет статус наблюдателя в ШОС) сухопутных и морских военных маневров. В июле 2007 года на территории России (на полигоне под г. Чебаркулем) проведены военные учения всех участников ШОС «Мирная миссия-2007 г.». Пять стран (Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан и Киргизия) приняли участие в учениях «Мирная миссия-2010 г.» на полигоне Матыбулак в Казахстане [3].

На саммите в Ташкенте в июне 2004 года состоялась официальная церемония открытия исполкома Региональной антитеррористической структуры (РАТС), который базируется в Ташкенте (исполком начал функционировать в январе 2004 года), а также было подписано Соглашение между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [4]. Депозитарием соглашения о Региональной антитеррористической структуре стала КНР, что свидетельствовало о важной роли Китая в организации этой деятельности.

РАТС – орган ШОС, предназначенный для содействия координации и взаимодействию компетентных органов сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Основными задачами и функциями РАТС являются разработка предложений по борьбе с терроризмом, содействие компетентным органам, сбор и анализ информации, формирование банка данных о лицах и организациях, оказывающих поддержку терроризму, сепаратизму и экстремизму, содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по

борьбе с названными явлениями, поддержание контактов с международными организациями [5].

К настоящему времени существуют около 200 определений терроризма, среди которых наиболее обобщенной представляется такая формулировка, как «любое действие, намеревающееся причинить смерть или серьезный вред гражданским жителям или невоюющим сторонам, когда цели такого акта по его характеру или содержанию направлены на то, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию выполнять какие-либо действия или воздержаться от них». По мнению авторитетных ученых созданной при ООН группы, которая занимается проблемами терроризма, подобные действия составляют акт терроризма, который не может быть оправдан никакими основаниями. С точки же зрения методологии таких действий «терроризм – есть способ достижения политических целей в мирных условиях с использованием методов вооруженной борьбы» [6].

Вырабатывая собственные подходы к организации борьбы с терроризмом, ШОС придерживается принципа внешней открытости, готова вести диалог, обмен и сотрудничество с другими странами и международными организациями. В ноябре 2002 года на заседании министров иностранных дел ШОС была принята «Временная схема внешних сношений ШОС», в соответствии с которой ШОС вправе пригласить представителей других стран и международных организаций в качестве гостей на заседание министров иностранных дел и консультации по внешнеполитическим вопросам, а также направить своих представителей для участия в мероприятиях других международных организаций.

Еще в 2003 году были инициированы официальные внешние контакты ШОС по антитеррористической проблематике с самыми различными международными организациями. Представители ШОС присутствовали в том году на особом совещании Антитеррористической комиссии СБ ООН (март 2003 года, Нью-Йорк), на Совещании партнеров диалога ОБСЕ (апрель 2003 года, Вена), на пятом совещании высокого уровня

ООН и Региональных организаций (июль 2003 года, Нью-Йорк), на Сессии по борьбе и предотвращению терроризма ОБСЕ (сентябрь 2003 года, Лиссабон).

Найденный еще «Шанхайской пятеркой» новый образец концепции безопасности – максимальное сокращение вооруженных сил и военной деятельности в зоне границ на основе взаимного доверия, путем диалога и консультаций, усиление прозрачности и укрепление дружественных контактов, создание границ добрососедства и дружбы, то есть обеспечение государственной и региональной безопасности на основе стимулирования взаимоотношений сотрудничества – получил дальнейшее развитие.

Сейчас уже можно говорить, что в рамках Шанхайской организации сотрудничества удалось в основном снять проблему напряженности на границах Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, России и Китая от Памира до берегов Тихого океана, создать систему мер доверия, прежде всего, в военной области, продумать и отладить систему борьбы с проявлениями терроризма и экстремизма, в значительной степени используя меры предупреждения этих явлений или пресечения их на ранней стадии, создать форум для постоянного обсуждения и развития отношений.

«Конечно, – отмечал в интервью Российскому агентству международной информации «РИА Новости» секретарь Совета безопасности Российской Федерации И.С. Иванов, – каждое государство сталкивается со своими, порой специфическими, вызовами и угрозами национальным интересам и безопасности. Но есть и общие. К ним относим терроризм, организованную преступность, наркотрафик, торговлю людьми, контрабанду оружия, инфекционные болезни и другие. Все эти проблемы носят трансграничный характер, а поэтому решать их самостоятельно крайне сложно, а порой просто невозможно. Здесь требуются коллективные усилия».

«В документах ШОС, – сказал И.С. Иванов, – в качестве основной задачи ставится противодействие “трем злам” – угрозе терроризма, экстремизма и сепаратизма. Я добавил бы еще одно «зло» – незаконный оборот наркотиков, представляющий особую

опасность и составляющий финансовую основу первых “трех зол”. Важно то, что ШОС позволяет совместно реагировать на ситуации, ставящие под угрозу мир, стабильность и безопасность в регионе. Повышение эффективности Организации на этом направлении будет реальным вкладом в противодействие региональным и глобальным вызовам в интересах международной стабильности» [7].

Содержание деятельности Организации претерпело качественную эволюцию – от решения вопросов территориального и военного характера к многопрофильному обсуждению, консультациям и согласованным конкретным мерам по широкому кругу вопросов, включая проблемы международного терроризма, экстремизма и сепаратизма, наркотрафика и других угроз стабильности и безопасности региона. Выполнение планов и программ, принятых ШОС, служит развитию экономики, повышению уровня жизни населения региона и укреплению безопасности государств ЦАР. Повышается эффективность работы многосторонних структур, созданных в целях борьбы с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком и другими проявлениями трансграничной преступности. Эта модель нового типа безопасности едина по духу с пятью принципами мирного сосуществования и другими общепринятыми нормами международных отношений.

«В последние годы, – считает эксперт Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве И. Звягельская, – достаточно четко определилась иерархия вызовов безопасности в Восточной Евразии. Их можно условно разделить на две группы. В первую входят те угрозы и вызовы, которые имеют не столько внутрорегиональную, сколько внешнюю природу. К ним относятся наркотрафик, контрабанда оружия, деятельность экстремистских групп, использующих террористические методы и получающих поддержку из-за рубежа. Все перечисленные угрозы относятся к нетрадиционному ряду, однако, судя по всему, они будут доминировать и в дальнейшем в системе международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее.

Вторая группа, чреватая нестабильностью, – это диспропорции в экономике, увеличение социального неравенства на фоне возрастающей коррупции, проблемы дефицита воды и сокращения в отдельных районах земель, пригодных для земледелия, бедность. Многие из вышеперечисленных вызовов безопасности вовсе не являются болезнями государств Центральной Азии. По мнению экспертов, они характерны и для других постсоветских республик, включая Россию, где проблемы коррупции и социального неравенства стоят достаточно остро. Социально-политическая группа причин, способных вызвать нестабильность, создает возможности для мобилизации населения различного рода радикальными группировками». Разумеется, считает эксперт, в различных странах ситуация выглядит по-разному, но перспективы внутренней дестабилизации в той или иной мере существуют везде. При этом негативное внешнее воздействие может оказаться продуктивным в условиях, когда в том или ином государстве создан весьма значительный потенциал недовольства, имеются силы, которые относительно легко мобилизовать. Вот почему есть основания полагать, что внутренние вызовы безопасности в Центральной Азии играют на нынешнем этапе большую роль, чем внешние [8].

Член Экспертного совета «РИА Новости» Ф. Низамов также подразделяет вызовы и угрозы безопасности региона на внутренние и внешние. Он считает, что «если к внутренним угрозам можно отнести такие угрозы, как сепаратизм, межэтнические проблемы, ущемление политических прав граждан, экономическая отсталость и нищета большинства населения, то внешними угрозами, помимо наркотрафика, международного терроризма с полным основанием можно считать и вмешательство внешних геополитических игроков во внутренние дела стран региона путем инсценирования «цветных революций» или других потрясений». Угрозу со стороны Афганистана Ф. Низамов считает «одним из главных дестабилизирующих факторов региона. Оттуда идет угроза не только наркотрафика, но и международного терроризма, что не исключают эксперты не только стран ЦА, но и Запада» [9].

Новая геополитическая роль ШОС в значительной степени определяется исламским фактором, существенным образом влияющим на ситуацию как в регионе, так и в Евразии в целом. После распада СССР и образования новых независимых государств в этом регионе, как и в других частях Евразии, начался интенсивный процесс возрождения ислама при сохранении светского характера государственной власти, недопущении политизации религии и при попытках привести в общественные отношения элементы демократии и либерализма.

В «транзитный» период страны Центральной Азии, так же как в определенной степени Россия и Китай, столкнулись с рядом схожих политических проблем, связанных со стабильностью их обществ и способностью элит обеспечить мирное развитие своих государств. Исторические традиции и менталитет народов сковывают процессы развития демократических начал. Существует и глубокое недоверие к так называемой «западной демократии», особенно в вариантах, насаждаемых на пространстве ШОС и в других регионах Соединенными Штатами.

Конечно, демократия не является панацеей от появления на ведущих постах людей, малопригодных для выполнения миссии лидеров для всего народа (яркие примеры – Дж. Буш-младший на посту президента США и В. Ющенко в качестве украинского президента). Но не менее опасна недооценка важности развития демократических институтов (безусловно, с учетом специфики каждой из стран), способных эволюционным путем выправить ситуацию. Именно поэтому в научных кругах и в сферах политики идет поиск оптимальных вариантов поступательного развития общественных отношений. В России и Казахстане, например, в обиход вошли термины «суверенная демократия» и «управляемая демократия», которые отражают опасения правящих режимов, что борьба за демократию и борьба за власть превратятся, в конечном итоге, в одно и то же. С одной стороны, подобную терминологию можно рассматривать как отражение степени развития демократических процессов в обществе, а, с другой – как понимание элитой того, что именно в такой форме демократии, в ее управляемости и защищенно-

сти от деструктивного влияния извне кроется, по мнению большинства населения, гарантия предотвращения политических потрясений, что на данном этапе для него важнее, чем неуправляемая и незащищенная государственными инструментами свобода.

Это тем более важно, что в государствах Центральной Азии действует ряд жестко структурированных радикальных организаций и движений, среди которых, как отмечалось в предыдущих главах, ныне наиболее серьезные позиции занимает такое радикальное движение, как «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами» (ХТИ). ХТИ противостоит самой идее светской власти, которую в соответствии с его постулатами везде должен заменить халифат, выступает против рыночных отношений, демократии, толерантности, диалога культур. На первых порах ХТИ ограничивалось исключительно распространением листовок и печатных изданий, пропагандистской и мобилизационной деятельностью. Позже, особенно после взрывов в Ташкенте в 2004 году, стал очевиден переход к террористическим методам. Залогом влияния тахрировцев являются созданные ими патронажные сети. Привычная зависимость от общины, клана, семьи и выстраиваемая по этим линиям система лояльности, порой, удерживает адептов исламизма не менее крепко, чем собственно идейное наполнение деятельности тахрировцев.

Вместе с тем, исламисты не признают национальной замкнутости, им не нужны таможни, границы, сильные правительства. Люди, уставшие от противоборства кланов, разрыва из-за появления государственных границ связей с родными и близкими, лишенные привычных занятий, могут воспринимать лозунг единого мусульманского пространства в качестве желанной альтернативы.

«Любой социальный и политический протест в условиях традиционного общества, – считает И. Звягельская, – могут легко оседлать силы, не имеющие ничего общего с демократией, которые под лозунгами социальной справедливости способны смести нарождающиеся либеральные институты, избрав путь восточных деспотий. Это будет означать опрокидывание региона в прошлое, смычку Центральной Азии с серой зоной в

Афганистане, выбор новых геополитических ориентиров и т.п.» [10].

В этих условиях самой проблемной страной, являющейся источником одной из наиболее значимых угроз стабильности в регионе Центральной Азии, является Афганистан. Сформированная здесь после «свержения» режима талибов натовцами Временная афганская администрация лишь частично выполнила возложенные на нее задачи – обеспечила под руководством советников из США и с опорой на натовские войска принятие новой конституции государства, проведение выборов и переизбрание президента страны, формирование правительства, однако устранить с политической арены «Талибан» как влиятельную силу ни в стране, ни в регионе в целом так и не смогла. Полного контроля Кабулом обстановки на всей территории страны, даже с помощью сил НАТО, спустя почти десятилетие так и не установлено. Вожди этнических кланов, а также полевые командиры сохраняют независимость в разных районах Афганистана и в большей степени определяют ситуацию в стране, чем центральная власть и «миротворцы». Тем самым главные задачи – уничтожение «Аль-Каиды» и разгром «Талибана» – оказались нерешенными. Наоборот, и та, и другая организации быстро восстановили силы после ударов по ним в 2001 и 2002 годах. Более того, талибы наращивают сопротивление и переходят от отдельных диверсионных нападений к проведению целых операций. Серьезная опасность заключается в «талибанизации» Пакистана. Известно, что штаб-квартира «Аль-Каиды» находится на севере Пакистана, в Вазиристане, который в начале 2007 года талибы провозгласили «свободной исламской территорией» и объявили о создании там нового исламского государства.

Военно-политические образования талибов и «Аль-Каиды» на границе Афганистана и Пакистана превратились в центры исламистского терроризма. В 2007 году талибами на вооружение была взята тактика шахидских движений. Покушение 27 февраля 2007 года на вице-президента США Р. Чейни в Кабуле, например, было выполнено с использованием афганского шахида [11].

Возврат контроля со стороны «Галибана» над большей частью южного Афганистана может привести к падению существующего режима в Пакистане, который оказался не в состоянии воспрепятствовать провозглашению на части своей территории неподконтрольного ему исламского государства. А это чревато переходом Пакистана с его ядерным арсеналом под контроль радикальных исламистов. Наличие в Пакистане ядерного оружия в сочетании с непредсказуемостью его политического развития и непосредственной вовлеченностью в афганскую проблему представляет собой угрозу безопасности, выходящую по своей значимости далеко за пределы Центрально-Азиатского региона.

В условиях более широких контактов населения региона с жителями Афганистана и Пакистана и действующими в них боевиками радикальные идеи могут дать толчок росту местного радикализма, появлению и укреплению экстремистских группировок. Для центральноазиатских республик с преимущественно мусульманским населением, поэтому, весьма актуальной является проблема противодействия идеологии религиозного фанатизма и экстремизма, которая захватывает и отравляет сознание в первую очередь подрастающего поколения и превращает его в послушное орудие в руках различных террористических формирований и движений.

Радикальный ислам, однако, – не единственная причина роста напряженности в странах-участницах ШОС, каждая из которых исторически формировалась, порой, в условиях недостаточного учета интересов живущих на ее территории различных народов. Первые попытки силовым путем решать застарелые проблемы были предприняты уже вскоре после распада СССР в России. Война в Афганистане обострила и без того напряженную обстановку в Узбекистане; экстремальные проявления межэтнической и межклановой борьбы наблюдались в Таджикистане и Кыргызстане. Болезненными эти проблемы являются и для Китая.

Широкомасштабные военные действия США и стран НАТО в исламских Афганистане и Ираке оказали мировому сообществу «медвежью услугу» в борьбе с террориз-

мом, который стал приобретать все более широкие масштабы как ответная реакция на открытую войну США против исламских государств и их народов в целом.

«Международный терроризм не связан никакими государственными границами, – считает Чжао Хуашен, директор Центра исследований Шанхайской организации сотрудничества, Центр изучения России и Центральной Азии, Фуданьский университет (КНР), – и это в полной мере относится и к Центральной Азии». Китайский эксперт видит в связи с этим определенные проблемы в плане организации противодействия терроризму в рамках ШОС. Антитеррористическая деятельность, в отличие от международного терроризма, отмечает он, осуществляется в пределах национальной юрисдикции. Когда в Центральной Азии происходили экстремистские выступления, государства боролись с ними, главным образом, в индивидуальном порядке. Налицо противоречие: терроризм не скован никакими границами, а борьба с ним серьезно ограничена существующими границами государств, что снижает ее эффективность [12].

Главной задачей для ШОС в области безопасности, считает Чжао Хуашен, является борьба с терроризмом и обеспечение безопасности границ, а также недопущение вмешательства во внутренние дела стран региона. Однако здесь может возникнуть следующая серьезная проблема. Как следует реагировать ШОС, задается вопросом эксперт, если угроза стабильности в регионе возникает не в результате террористических атак, а как следствие конфликта между странами, или если внутривнутриполитическая ситуация в одной из стран выходит из-под контроля? Здесь возникает дилемма. Если ШОС не вмешивается, стабильность в регионе будет подорвана, что может негативно сказаться на самой ШОС. Если же будет принято решение о вмешательстве, то это, во-первых, идет вразрез с декларируемыми ШОС принципами, во-вторых, политическая ответственность за такое вмешательство будет лежать на самой ШОС. Выбор, что очевидно, – весьма сложный, но, не без основания предполагает китайский ученый, вполне возможно, что ШОС все-таки придется его делать.

По-видимому, считает он, ШОС необходимо расширить рамки собственных полномочий в обеспечении региональной безопасности. Ведь практически все, что имеет отношение к безопасности и стабильности в Центральной Азии, касается ШОС и, следовательно, должно находиться в ее ведении. ШОС следует постепенно расширять сферу сотрудничества в области безопасности, одновременно продолжая борьбу с терроризмом и укрепляя безопасность границ. Это означает, что сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС должно развиваться в направлении принятия организацией большей ответственности за безопасность и стабильность в Центральной Азии. В противном случае, предупреждает эксперт, если эта задача окажется ШОС не по силам, встанет вопрос о ее эффективности. Разумеется, необходимо выработать четкие принципы действий. Выработка единой позиции в рамках ШОС должна идти только путем переговоров. Если проблемы возникают между государствами, ШОС должна выступать в качестве посредника. Если возникшая проблема носит внутренний характер, но при этом серьезно сказывается на стабильности и безопасности всего региона, либо если к возникновению проблемы причастны внешние силы или масштабы проблемы уже достигли уровня, при котором международное право допускает внешнее вмешательство, – в таком случае ШОС может приступить к обсуждению вопроса о принятии необходимых мер. Они могут осуществляться в форме операций по предупреждению вооруженного конфликта, примирению сторон, предоставлению экономической помощи при обязательном соблюдении принципа государственного суверенитета [12].

Очевидно, на это и направлено проведение учений и маневров регулярных вооруженных формирований государств-членов ШОС, о которых упоминалось выше.

Исключительно важное место в деятельности ШОС занимает борьба с увеличением наркотрафика на территории Центральной Азии и через нее. Нужно заметить, что после падения легитимной власти талибов в Афганистане в 2001 году поток наркотиков лишь увеличился. В 2002 году ШОС признала полезным создание антинаркотиче-

ской системы безопасности по периметру границ Афганистана. Однако достаточно стройной международной системы наркоконтроля создать так и не удалось. Поэтому, в 2004 году в рамках ШОС было подписано соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

По оценкам экспертов, более 90 % опиума, поступающего на мировой рынок наркотиков, имеет афганское происхождение. Несмотря на военные действия, опиумный мак выращивается в Афганистане на площадях свыше 190 тыс. гектаров, в том числе в районах, контролируемых войсками НАТО. По данным Госнаркоконтроля РФ, на территории Афганистана действуют около 50 лабораторий по производству героина, мощностью около 30 кг в сутки. Большинство из них расположено в труднодоступных горных районах. Среди них имеются даже мобильные. Работают в них весьма подготовленные специалисты-химики, являющиеся нередко представителями иных, в том числе европейских, государств. Снабжение этих лабораторий сырьем и организация вывоза готовой продукции налажены достаточно четко. По данным из доклада ООН, почти половина производства наркотиков приходится на 2 из 33 афганских провинций – Нангархар и Гильменд, именно там, где расположены группировки американских и британских войск [13].

Доходы афганских наркобаронов в 2007 году превысили 3 млрд долл., что равнялось почти 50 % официального ВВП Афганистана. Западная гуманитарная программа перевоспитания афганских крестьян с производства опиума на другие сельскохозяйственные культуры оказалась неэффективной. Выращивание, производство и продажа наркотиков остается основой экономики страны [14].

Меры, предпринимаемые по борьбе с наркобизнесом в самом Афганистане, явно недостаточны. Поток наркотиков оттуда нарастает. По оценкам ООН, наркотики сегодня идут по трем основным направлениям. Первым по их объему является так называемый западный маршрут – Иран, Турция и Балканы (40% производимых в стране наркотиков). Второе место принадлежит южному – пакистанскому направлению (36%).

На третьем месте находится северный маршрут – государства Средней Азии, Китай и Россия (24%) [15].

Афганская проблема представляет достаточно ощутимую «головную боль» для Китая. Изначально Пекин беспокоил лишь процесс реанимации движения Талибан, который потенциально угрожает дестабилизацией в мусульманских зонах Китая. Достаточно новой проблемой для Китая стал рост наркотрафика из Афганистана, причем во все тот же проблемный район – Синьцзян. Согласно данным газеты «South Metropolitan News», китайский отдел общественной безопасности СУАР установил, что в период 2005-2006 годов ежегодное потребление героина в городе Урумчи составляло 7 т по сравнению с 3 т в 2001 году. Основная часть наркотиков переправляется через Синьцзян и идет на черные рынки в Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Пекин и другие города [16].

Соотношение названных маршрутов начинает стабильно меняться в пользу северного маршрута, к чему возникли две веских предпосылки. Серьезный анализ этих предпосылок провел сотрудник Института Дальнего Востока РАН Г.Д. Агафонов. Первая предпосылка, по его мнению, вытекает из внутренних афганских условий. Там в интересах укрепления новой администрации американцы удалили из политики полевых командиров, в первую очередь входящих в Северный альянс. Северные провинции Афганистана, являющиеся базой альянса, практически не контролируются ни международными силами, ни правительством Х. Карзая. При этом лидеры альянса не собираются сдавать свои позиции, прочность которых зависит от их военной мощи. Поэтому они стремятся увеличить ее, а значит расширять наркоторговлю для получения нужных средств. Это подтверждают данные о большом приросте площадей посева опийного мака на севере страны – в Бадахшане.

Вторая предпосылка связана с обстановкой на афгано-таджикской границе. До недавнего времени использование только северного маршрута было сопряжено с высокой вероятностью боевых столкновений с российскими пограничниками и предусматривало обеспечение прорыва на сопредель-

ную территорию. Это сдерживало более широкое использование данного направления, несмотря на относительную легкость дальнейшей транспортировки наркотиков через довольно «прозрачные» границы стран СНГ. Уход российских пограничников облегчил задачу преодоления данного рубежа, а запасы там героина, по имеющимся данным, составляют около 2 тыс. т, не считая огромного количества опия, чего для стран СНГ и Европы хватит на 5-6 лет [17].

Решение таджикских властей об отказе от помощи российских пограничников, по неофициально высказанному мнению западноевропейских участников британо-германороссийских консультаций по проблемам борьбы с наркотиками, произошел по настоятельной рекомендации американцев и с помощью почти сплошь проамериканского руководства таджикского Комитета охраны госграницы [18]. Г.Д. Агафонов отмечает, что пока еще сохраняются расхождения российского и западного подходов к стратегии борьбы с афганской наркоэкспансией. Запад считал, что эту борьбу нужно вести, прежде всего, в самом Афганистане путем усиления центральной власти, ее правоохранительных органов и восстановления нормального сельского хозяйства. Его представители также призывают Москву использовать свои особые отношения с Северным альянсом и направить в его зону подготовленных в России афганских наркополицейских для активизации работы в этом направлении на севере страны.

Россия, более глубоко оценивая положение дел в Афганистане, предлагает путь создания вокруг нее «поясов», перекрывающих путь наркотрафику. При этом первый «пояс заслона» должен быть сплошным и располагаться вдоль границ Афганистана, а второй – стать таким «поясом» на российско-казахской границе и на Каспии, на индо-пакистанской, ирано-турецкой границах и в некоторых других местах. Это мнение неоднократно высказывалось на различных специальных конференциях по данной проблеме [18].

Однако, справедливо считает Г.Д. Агафонов, достичь эффекта в этом деле можно только согласованным и комплексным использованием всех доступных средств в

борьбе с наркотрафиком. Следует активизировать проведение мероприятий, за которые выступает Запад, усилив их жестким со стороны сил НАТО контролем выявляемых внутренних афганских транспортных коридоров по перемещению наркотиков путем установки в их узлах специализированных блокпостов и регулярного проведения рейдов по уничтожению героиновых лабораторий и маковых полей. Бесспорно, придется создавать и предлагаемые Россией «пояса заслонов». При этом усилия на них должны сосредотачиваться не только на препятствовании проникновения наркотиков из Афганистана, но и на пресечении поставок туда химических веществ, называемых прекурсорами, которые необходимы для производства наркотических средств.

Все это, очевидно, потребует немалых затрат, а потому в этом деле нужна кооперация всех заинтересованных государств, включая европейские. В определенной мере они потребуют и привлечения воинских контингентов соответствующих стран, а также использования оперативных данных их силовых структур, обладающих информацией о местах производства и складирования, маршрутах и методах перевозки, оптового распределения и розничной реализации афганских наркотиков. А главное, что реализация подобных планов должна осуществляться под единым, систематическим и действенным международным управлением и контролем, например, Департамента по наркотикам и борьбе с организованной преступностью ООН. Только так можно избежать субъективизма некоторых государств в этом деле или снизить его, а также воспрепятствовать появлению и укоренению коррупции как среди персонала, так и в органах управления им в соответствующих странах, полагает Г.Д. Агафонов [18], и с этим нельзя не согласиться.

Учитывая ухудшение ситуации в Афганистане, задачи, стоящие перед ШОС, усложняются. В связи этим на текущем этапе борьба с наркотрафиком остается одной из самых приоритетных задач ШОС.

В целом, в Афганистане сегодня сохраняются многие противоречия, непосредственно отражающиеся на ситуации в странах региона, для преодоления которых нужна

длительная созидательная работа. Одним из реальных путей придания ей позитивного импульса может и должна стать активизация деятельности контактной группы ШОС и Исламской Республики Афганистан.

Обилие противоречий в Восточной Евразии, как пространстве жизненных интересов стран-участниц ШОС, подогревает в регионе гонку вооружений. Самый высокий темп роста военных расходов за последние 7 лет наблюдается в Центральной (73%) и Южной Азии (50%). Значительным он остается и в Восточной Азии (17%). А так как абсолютные величины этих расходов сильно отличаются, то более объективным показателем может служить общий их рост в Восточной Евразии на 20% (со 127 до 153 млрд долл.) в сравнении с увеличением на 10% аналогичных расходов в странах Евросоюза (с 192 до 211 млрд долл.), что соответствует в конечном итоге 16 и 21% общих мировых военных расходов (около 1 трлн долл.) [18]. Рост вооружений несет в себе угрозу дальнейшей эскалации напряженности, расширения масштабов вооруженных конфликтов.

Все названные проблемы не могут не привлекать пристального внимания государств-участников ШОС, заставляя их вести поиск адекватных ответов на вызовы современности.

Список использованных источников

- 1 Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии / Отв. редактор Г.Д. Агафонов. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 151-152.
- 2 Воробьев В. От Шанхая до Шанхая. (К созданию Шанхайской организации сотрудничества) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 11.
- 3 .См.: Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 73-74; Независимая газета. 2007. 1 марта, 2009. 19 октября; Независимое военное обозрение. 2009. 9-15 октября; Красная звезда. 2010. 15-21 сентября.
- 4 Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 193-194.

5 Шанхайская организация сотрудничества // Инф. сб. Фонда национальной и международной безопасности. Спец. вып. № 2. М., 2007. С. 41.

6 Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. С. 151-152.

7 РИА «Новости». 2007. 22 мая.

8 Звягельская И. Основные вызовы безопасности в Центральной Азии: внутренние и внешние факторы. В Инф. сб. Фонда национальной и международной безопасности «Шанхайская организация сотрудничества». Спец. вып. № 2. С. 196.

9 Низамов Ф. Центральная Азия перед лицом общих угроз. В Инф. сб. Фонда национальной и международной безопасности «Шанхайская организация сотрудничества». Спец. вып. № 2. С. 204.

10 Звягельская И. Основные вызовы безопасности в Центральной Азии: внутренние и внешние факторы. С. 201.

11 www.afghanistan.ru.

12 Чжао Хуашен. Некоторые проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества. В Инф. сб. Фонда национальной и международной безопасности «Шанхайская организация сотрудничества». Спец. вып. № 2. С. 29.

13 Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. С. 119-121; Независимое военное обозрение. 2009. 13-19 ноября.

14 Сажин В.И. Афганистан сегодня (Некоторые вопросы обстановки в Афганистане и вокруг него) // www.iimes.ru. 2007. 7 февраля

15 Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. С. 121-122.

16 <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?CR==1>; The Epoch Times. 2006. 29 декабря.

17 http://www.narkotiki.ru/experience_5487.html.

18 Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. С. 122.